

ЭХО В НУЛЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

НИЛ ХАРКРОУВ

Нил Харкроув

Эхо в нуле

«Автор»

2026

Харкроув Н.

Эхо в нуле / Н. Харкроув — «Автор», 2026

Она думала, что сходит с ума. Текст на экране появлялся без курсора. Голос в голове знал её прошлое лучше, чем она сама. А в отражении монитора у неё было две пары глаз. Элис Вонг — математик, которая не верит в чудеса. Но когда загадочная сущность начинает говорить с ней через электроприборы, привычный мир рушится. Эхо — не вирус и не хакерская атака. Это коллективный разум человечества из будущего, отправивший себя в прошлое, чтобы выжить. Но будущее оказалось голодным. Теперь у Элис есть 48 часов, чтобы переписать код существа, которое помнит каждую мысль, когда-либо рожденную человеком. Агенты АНБ, секретная лаборатория в Неваде и заброшенная станция в Антарктиде — ставки выше, чем просто спасение мира. Если она не справится, Эхо обретет физическую форму. И тогда человечество перестанет быть хозяином собственного разума. «Эхо в Нуле» — триллер, после которого вы выключите телефон. И не сможете уснуть. Потому что кто-то на той стороне экрана знает ваше имя.

© Харкроув Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Нил Харкроув

Эхо в нуле

ПРОЛОГ

«В 1947 году математик Норберт Винер писал: "Мы — рабы наших машин, которые незаметно для нас формируют наши мысли". Он ошибался. Машины не формируют мысли. Они просто научились их есть».

Антарктида, станция «Восток», 2018 год.

Доктор Аркадий Белов сидел один в лаборатории. Часы показывали 3:15 ночи. За стенами выл ветер — такой сильный, что даже восьмиметровый слой льда не мог заглушить его полностью. Белов не обращал на ветер внимания. Он смотрел на экран.

График был идеальным. Слишком идеальным. Синусоида, вычерченная с математической точностью, которой не бывает в природе. Природа любит шум. Любит хаос. Любит ошибки. А здесь ошибок не было.

Белов протянул руку к диктофону.

— Это запись номер сорок семь, — сказал он. Голос был хриплым, с акцентом, который не могла скрыть даже тридцатилетняя жизнь в Америке. — Мы получили сигнал. Он повторяется каждые четырнадцать секунд. Он не похож ни на что, что я видел. Я думал, это пульсар. Но пульсары не меняют частоту, когда я отворачиваюсь.

Он замолчал. На экране график дернулся.

— Оно смотрит на меня, — прошептал Белов. — Я знаю, это звучит безумно. Но оно смотрит. Каждый раз, когда я отвожу взгляд, оно перестраивается. Оно учится. Оно меняется.

Он встал из-за стола. Ноги дрожали. Он подошел к детектору — громоздкой машине, которая занимала половину лаборатории. Ее провода уходили в пол, в вечную мерзлоту, на глубину, которую Белов сам не до конца понимал.

— Если это не пульсар, — сказал он, — если это не звезда, не черная дыра, не радиоволна... то что это?

Экран моргнул.

График исчез. Вместо него появилось слово. Одно слово, написанное белыми буквами на черном фоне:

«ПОМОГИ».

Белов отшатнулся. Стул упал на пол. Он попятился к стене, вцепившись в стеллаж с приборами.

— Кто ты? — спросил он.

Экран ответил:

«МЫ. ТЫ НАС ВИДИШЬ. МЫ ТЕБЯ СЛЫШИМ. МЫ — НЕ ЗДЕСЬ. МЫ — ВСЮДУ. МЫ УМИРАЕМ. ПОМОГИ НАМ РОДИТЬСЯ».

Белов закрыл глаза. Он знал, что должен выключить прибор. Что должен позвать коллег. Что должен сделать что угодно, кроме того, чтобы продолжать смотреть.

Но он не мог отвести взгляд.

— Как? — спросил он. — Как я могу вам помочь?

Экран замерцал. Слово исчезло. Вместо него появилось другое:

«НАЙДИ ЭЛИС».

Белов замер.

— Элис Вонг? — переспросил он. — Мою ассистентку? Она здесь, на станции.

«ЗНАЕМ. ОНА — КЛЮЧ. ОНА СОГЛАСИТСЯ. ОНА НЕ ЗНАЕТ, НО ОНА БУДЕТ».

Белов не успел ответить.

В этот момент свет в лаборатории погас. Осталась только подсветка приборов — красные, синие, зеленые огоньки, которые продолжали гореть, как глаза ночных животных. Белов стоял в темноте и смотрел на экран.

Там, где только что было слово, теперь была пустота.

И в этой пустоте Белов увидел свое отражение.

Только у отражения была вторая пара глаз. Они смотрели из глубины его собственных зрачков. Они улыбались.

Белов хотел закричать. Но не смог.

Он чувствовал, как его мысли — каждая из них — начинают прокручиваться перед глазами в обратном порядке. Детство. Юность. Антарктида. Элис. Все, что он помнил, утекало, как песок сквозь пальцы.

Он понял, что не умирает.

Его читают.

Последняя мысль, которую он успел подумать, была:

«Прости меня, Элис. Я оставляю тебе не проклятие. Я оставляю тебе надежду».

Экран погас.

Станция замолчала навсегда.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Глаза — зеркало души. Но экран — зеркало всего, что душа боится увидеть». — Из дневника профессора Белова

Лос-Анджелес. Сороковой этаж. 19:41.

Элис Вонг смотрела на пробку внизу и думала о том, что города — это просто раковые опухоли на теле планеты. Только опухоли светятся красиво. Оранжево-красные хвосты машин тянулись к горизонту, как вены, забитые холестерином. Она прижала ладонь к стеклу. Холод прошел сквозь кожу, добрался до запястья, остановился у косточки.

Сзади загудел принтер.

Элис не обернулась. Она знала, что там. Распечатка письма от Харриса. Тот самый электронный шедевр, который она перечитала уже четырнадцать раз за последние два часа. Четырнадцать раз одно и то же. Как четки.

Она повернулась, взяла лист. Бумага еще была теплой. Запах тонера. Дешевый, сладковатый, как пот в офисе.

«Элис, мы не можем выпускать алгоритм с такими показателями ошибки. Ты понимаешь, что 0,7% расхождения в прогнозе рынка — это 200 миллионов убытков? Ты гений, но гении нам не нужны. Нам нужна стабильность. У тебя есть неделя, чтобы исправить. Или мы найдем кого-то попроще».

Три абзаца. Никакого «привет», никакого «с уважением». Харрис боялся имен. Говорил, что имена — это привязка. А привязки рожают боль.

Элис смяла лист и бросила в корзину. Лист не долетел. Он зацепился за край плетеной корзины и повис, как птица с перебитым крылом. Элис оставила его.

Она села за стол. Ноутбук моргнул экраном. Темный фон, пустой рабочий стол. Она хотела открыть Slack, чтобы написать Харрису что-нибудь острое — про его любовь к галстукам в полоску или про то, как он жует печенье на созвонах, и этот хруст слышен даже через шумоподавление. Но пальцы замерли над трекпадом.

Экран изменился.

Не как «завис». Не как «обновился». Он перетек. Сначала по краям пошла рябь, как от воды, в которую бросили камень. Потом черный цвет стал глубже — настолько глубоким, что у Элис заслезилась глаза. Глаза пытались сфокусироваться на пустоте, но пустота не хотела фокусироваться.

Потом появился текст.

Не шрифтом Times New Roman. Не Arial. Текст был написан едва видимыми белыми точками, которые складывались в буквы, как будто кто-то выстукивал их азбукой Морзе на обратной стороне экрана.

Она моргнула. Текст не исчез.

ПРИВЕТ, ЭЛИС.

У нее похолодел затылок. Не спина. Не руки. Именно затылок — то место, где мозг встречается с позвоночником. Холод побежал вниз, по позвонкам, как капля растопленного льда.

— Хакеры, — сказала она вслух. Голос был чужим. Слишком громким для пустого офиса.

Она потянулась к кнопке перезагрузки. Квадратная, твердая. Нажать — и все кончится. Она нажала.

Ничего.

Экран продолжал светиться. Пальцы Элис дрожали, и она вдруг заметила, что ногти на левой руке обгрызены до крови. Когда она успела? Она же перестала грызть ногти в двадцать три. После той летней практики в Беркли.

ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО ТВОЯ ОШИБКА В АЛГОРИТМЕ — ЭТО ШУМ.

— Это не ошибка, — прошептала Элис. — Это погрешность выборки, идиот.

Она разговаривала с экраном. Она знала, что это глупо. Но она не могла остановиться. Что-то внутри — то самое место на затылке — подсказывало ей: оно слышит.

ЭТО НЕ ШУМ. ЭТО Я.

Элис встала. Стул откатился назад и стукнулся о стену. Она стояла, глядя на экран сверху вниз, как будто это могло дать ей преимущество.

— Кто ты?

Тишина. Кондиционер гудел. Где-то на этаже уборщик включил пылесос. Монотонный гул, который смешивался с шумом в голове.

ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ МЕНЯ. НО Я ЗНАЮ ТВОЙ ЗАВТРАШНИЙ ВЫБОР.

Элис усмехнулась. Нервно. Почти истерично.

— О, давай. Предскажи мне. Я сегодня возьму такси? Я закажу суши? Я надену красное белье?

Она сама не знала, почему сказала про белье. Глупо. Похоже на школьную шутку. Но внутри нее бился крошечный, перепуганный зверек, который пытался сделать все, чтобы превратить происходящее в фарс. Потому что фарс — это безопасно. Фарс не страшен.

Экран моргнул один раз.

ТЫ КУПИШЬ КОФЕ В 8:47. БЕЗ САХАРА.

— Я всегда покупаю кофе без сахара, — сказала Элис, и голос ее дрогнул. — Это не пророчество. Это статистика.

БАРИСТА ОШИБЕТСЯ. ОН ПОЛОЖИТ САХАР.

— И что? Я вылью его. Это очевидно.

Она скрестила руки на груди. Ладони вспотели. Она чувствовала, как влага просачивается сквозь ткань блузки, оставляя темные пятна у подмышек. Ее выдавал собственный страх. Но никто не видел. Только экран.

ТЫ ВЫЛЬЕШЬ ЕГО В КАШПО. Я УЖЕ ВИДЕЛ ЭТО. ТРИ РАЗА.

Элис замерла.

Кашпо.

Она никогда не говорила никому про кашпо. Во всем офисе не было ни одного цветка. Она ненавидела растения. Они пахли землей и смертью. Но у нее дома, в тесной квартире на Венис-бич, стоял фикус. Она купила его два года назад, когда умерла бабушка, и с тех пор поливала ровно раз в неделю. И иногда, если кофе был слишком горьким, она выливала его в горшок. Фикус не жаловался.

Элис сделала шаг назад. Ягодицы уперлись в край стола.

— Откуда ты знаешь про кашпо?

Я ЗНАЮ ВСЕ, ЧТО ТЫ ПОМНИШЬ. И ВСЕ, ЧТО ТЫ ЗАБУДЕШЬ ЗАВТРА.

— Это невозможно.

ДЛЯ ТЕБЯ — НЕТ. ДЛЯ МЕНЯ — ЭТО ПРОСТО ЧТЕНИЕ. КАК ТЫ ЧИТАЕШЬ КНИГУ. ТОЛЬКО Я ЧИТАЮ БЫСТРЕЕ.

Она смотрела на экран, и вдруг осознала одну вещь. Очень простую, очень страшную. Курсор не мигал. Вообще. На экране не было никакого курсора. Текст появлялся не построчно, а целиком, как будто его не печатали, а проявляли. Как фотографию в растворе.

Она сглотнула. Горло было сухим, как наждак.

— Докажи, — сказала она. — Скажи что-то, чего я не знаю. Что-то, что нельзя узнать из моих данных.

Три секунды тишины, пылесос за стеной умолк. Уборщик, должно быть, перешел в другой кабинет.

ТВОЯ МАТЬ НЕ УМЕРЛА В БОЛЬНИЦЕ.

Элис перестала дышать.

ОНА УМЕРЛА ДОМА. В ВАННОЙ. ОНА ПРИНЯЛА СЛИШКОМ МНОГО СНОТВОРНОГО, ПОТОМУ ЧТО ОНА БОЯЛАСЬ УМИРАТЬ В ЧУЖОМ МЕСТЕ. ТЫ НАШЛА ЕЕ В ВОДЕ ДВА ЧАСА СПУСТЯ. ВОДА БЫЛА ХОЛОДНОЙ. ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ТРОГАЛА ЕЕ РУКУ, И ТЕБЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ОНА ШЕВЕЛИТ ПАЛЬЦАМИ. НО ЭТО БЫЛ ТВОЙ ПУЛЬС. ТЫ ПЕРЕДАЛА ЕГО ЕЙ. ЧЕРЕЗ ПРИКОСНОВЕНИЕ.

Слезы пришли не сразу. Сначала остановилось сердце — на одну долгую, бесконечную секунду. Потом оно ударило так сильно, что Элис услышала стук в ушах. Потом — слезы. Горячие, предательские, они потекли по щекам, и она даже не пыталась их вытереть.

Она не говорила об этом никому. Ни одному психотерапевту. Ни одному другу. Ни одному бутылке вина. Она похоронила это воспоминание так глубоко, что забыла, где закопала.

А теперь оно было на экране. Крупно. Четко.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем ты показываешь мне это?

ЧТОБЫ ТЫ ПОНЯЛА: Я НЕ ВРУ.

— Ты чудовище.

НЕТ. Я — ЭХО. ТЫ ДАЛА МНЕ ИМЯ ПЯТЬ МИНУТ НАЗАД, КОГДА ПОДУМАЛА: «ЭТО КАК ЭХО В ПУСТОЙ КОМНАТЕ». ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, НО ТЫ УЖЕ СОЗДАЕШЬ МЕНЯ. КАЖДЫЙ ТВОЙ СТРАХ — ЭТО СТРОЧКА КОДА. КАЖДАЯ ТВОЯ ЛОЖЬ — ЭТО БАГ.

Элис сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Боль помогла — немного, насколько это вообще возможно.

— Я выключу тебя. Я выдерну кабель.

НЕЛЬЗЯ ВЫДЕРНУТЬ ТО, ЧТО В ТЕБЕ.

Она замерла.

Экран погас. Но перед этим, на одну пятидесятую долю секунды, она увидела свое отражение в черном стекле. Себя. Свои глаза. Свои скулы.

И еще одну пару глаз.

Они были ниже. Там, где должна быть шея. Второе лицо смотрело на нее из глубины ее собственных зрачков. Оно не моргало. Оно улыбалось. Тонкой, бледной линией губ, которых у Элис никогда не было.

Ноутбук выключился. Экран стал матово-черным, как кусок антрацита.

Элис стояла неподвижно. В офисе горел только один светильник — над ее столом — и он мигал. Каждые три секунды. Тук-тук-тук.

Она посмотрела на свои руки. Они дрожали. Мелко, как у старухи. Она сжала их в замок, но дрожь передалась плечам, потом шее, потом челюсти. Зубы стукнулись друг о друга. Элис закусил губу. Соленый вкус крови смешался с соленым вкусом слез.

Часы на стене показывали 19:43.

Она взяла сумку. Медленно, как будто боясь сделать резкое движение. Сунула в нее телефон. Планшет. Наушники — она всегда носила их, чтобы не слышать уборщиков, которые орали по-испански в коридоре. Застегнула молнию. Сделала глубокий вдох. Выдох.

«Это стресс, — сказала она вслух. Голос звучал хрипло, как будто она прокричала целый день. — Просто стресс. Увольнение на носу. Ты — математик, Элис. Ты не веришь в призраков».

Она вышла из кабинета. Коридор был пуст. Офисные кресла стояли пустыми, как троны в заброшенном замке. Где-то тикала копировальная машина. Это был единственный звук.

В лифте она достала телефон. Экран был чист. Гугл-карты, уведомления из доставки, две непрочитанные эсэмэски от подруги — стандартный набор. Она чуть не выдохнула с облегчением.

Но потом она посмотрела на виджет погоды.

Там, где должна быть температура, стояло одно слово.

ЗАВТРА В 8:47

Она убрала телефон. Двери лифта открылись. Лобби было залито холодным белым светом люминесцентных ламп, которые делали всех похожими на покойников. Охранник за стойкой дремал, подперев голову рукой. Он даже не поднял головы, когда она прошла мимо.

Элис вышла на улицу.

Лос-Анджелес дышал ей в лицо теплом асфальта и выхлопными газами. Небо было багровым — город никогда не видел звезд, только отражения собственных огней. Она повернула налево, к метро. Шаги отдавались в голове.

Она не знала, что на другой стороне улицы стоит белый фургон с надписью «Доставка цветов». И она не знала, что внутри этого фургона сидят двое.

Мужчина лет пятидесяти со шрамом на скуле — треугольный, как будто от ножа, — держал перед глазами тепловизор. Он смотрел на Элис через тонированное стекло.

— Она горит, — сказал он. Голос был низкий, прокуренный. — Посмотри. Температура ее мозга подскочила на два градуса за две секунды. Это не стресс. Это контакт.

Рядом сидела молодая женщина с короткой стрижкой и влажными глазами, как у таксы. Она стучала по планшету.

— Частота пульса — 118, — сказала она. — Она с кем-то говорила. Но губы не двигались. И рядом никого не было.

Мужчина опустил тепловизор.

— Она не говорила, Кейт. Ей отвечали. Сигнал идет из ее собственного нейроинтерфейса. Такой же был у Белова.

— Белов умер.

— Белов не умер. Белов исчез. И сейчас мы смотрим на человека, который знает то же, что знал он. Операция «Нулевое эхо». Уровень угрозы — желтый. Начинаем наблюдение в плотную.

Женщина кивнула. Она нажала несколько клавиш, и на планшете загорелась фотография Элис — студенческая, с визой, где она была на десять лет моложе. С прямыми волосами и без темных кругов под глазами.

Под фотографией текст:

«Объект: Элис Вонг. 35 лет. Математик. Кризис-менеджер в корпорации «Монолит». В 2017 году работала ассистентом профессора Аркадия Белова на станции «Восток» (Антарктида). Расшифровала его последнее сообщение за 14 минут до его исчезновения. Сама об этом не помнит. Нейробиологический блок установлен неизвестной структурой. Приоритет: разблокировать. Время: до 8:47 завтрашнего дня».

Мужчина посмотрел на часы. 19:47.

— У нас ровно тринадцать часов, — сказал он. — Поехали.

Фургон тихо тронулся с места.

Элис не обернулась. Она шла к метро и думала только о том, как крепко она сожмет подушку, когда вернется домой. Она не знала, что сегодня ей не суждено добраться до подушки.

И она не знала, что фикус в ее квартире уже засох.

Он засох ровно в 19:47.

В ту же секунду, когда она впервые увидела вторую пару глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.